

Джон улыбнулся.

— Значит, все идет хорошо?

— Невероятно! — Я говорила, как маленький ребенок, но ничего не могла с собой поделаться. — Первое настоящее свидание было потрясающим, но субботний вечер был больше, чем я могла когда-либо надеяться... Когда он показал мне дом, я поняла, что он и впрямь хотел знать, что я о нем думаю. Я спросила его, странно или грустно жить здесь без Лоры, и он сказал, что это его не сильно беспокоит. Он сказал: «Это я выбрал его, когда был одинок, и именно я принял большинство решений по переоборудованию, так что, он больше похож на мой дом, чем на наш с ней. Я думаю, что собираюсь сохранить все это».

— Конечно, я сказала ему, как он был красив и как мне понравилось то, что он с ним сделал — это действительно очень привлекательное место. И он приготовил нам очень хороший ужин. Он либо стал намного лучше готовить, либо попытался произвести на меня впечатление, но в любом случае это было здорово.

— И секс... Боже мой, это было потрясающе. — Я хихикнула. — Извини, Джон, но...

—... но ты ждала почти четыре года, чтобы снова оказаться в его постели, и это оправдало твои ожидания.

Я усмехнулась.

— Почти во всех смыслах. Я продолжала подливать вино в его бокал, и примерно в третий раз он поймал меня на этом и сказал: «Как ты думаешь, я буду на все согласным?» И я сказала: «Это я буду на все согласна, я уже сказала тебе это — все, что тебе нужно сделать, это поманить пальцем. Он посмотрел на меня через стол, а затем медленно поднял один палец. И я встала, схватила его за руку и сказала: «Я знаю, что ты устроил мне экскурсию, Бобби, но не могу вспомнить, как выглядит спальня — мне нужно увидеть ее еще раз».

— В моей жизни было много секса, я трахала много парней. Но заниматься любовью с Бобби, после стольких лет... после того как я подумала, что у меня больше никогда не будет шанса... Все, что я могу сказать, — это было невероятно. А потом я заплакала, а он был очень мил. Не потерял самообладания, просто обнял меня, поцеловал в волосы и сказал, что все в порядке.

— Во второй раз было даже лучше. Единственное, что случилось тем вечером позднее, — это то, как он закончился. Он сказал, что просто не готов, чтобы мы провели ночь вместе. Я лежала в его объятиях, сонная и НАСТОЛЬКО счастливая, может быть около часа ночи, а он сказал, что отвезет меня домой.

— Конечно, я была разочарована, но изо всех сил старалась не дуться и не жаловаться. Я встала и оделась, а когда мы ехали домой, он сказал: «Мне все еще тяжело, Ари. То, что ты сделала со мной, было давным-давно, и во мне больше не охвачен гневом, но... но он все еще есть. Не знаю, как будто пуля все еще застряла где-то в моем теле. Не знаю, звучит ли это нелепо. Меня просто потрясло, когда я узнал, что ты делала с Чарли и всеми этими парнями. А теперь прошло много времени, и я спал с другими женщинами, был женат на Лоре, и снова встал на ноги. По крайней мере, я знаю, что это было не из-за меня. Я с тобой, и мы ведем себя легко, просто развлекаемся, это прекрасно. Ты — почти мой любимый человек. Но каждый раз, когда все становится серьезным, моя грудь сжимается. Старый гнев и... страх. Страх, что это может случиться опять, что мне могут отрезать яйца во второй раз», — сказал

он, — «и я не знаю, готов ли рисковать».

Я, должно быть, выглядела очень грустной, и Джон сказал:

— Мне очень жаль, тебе должно быть было тяжело выслушивать это. И что ты сказала?

— О, просто мне было так жаль, ведь я знала, какую ужасную боль причинила ему, и я сказала, что надеюсь, что он будет держаться и даст мне шанс показать ему, что теперь я — другой человек. Он кивнул, и я знаю, он слушал, но больше ничего не сказал... просто высадил меня, пожал руку и поцеловал на ночь.

Я заплакала.

— Черт возьми, Джон, это так ТЯЖЕЛО.

Он сказал:

— А теперь подожди, Ари. Подумай, где ты была, когда мы только начали вместе работать? Я готов поспорить на каждый цент, что у меня есть, что ты никогда не была ближе к Бобби, чем сейчас. И ты только что закончила рассказывать мне об отличном вечере с ним, когда вы вдвоем занимались любовью! Когда ты пришла сегодня в офис, улыбка на твоём лице была шириной в милю... Постарайся увидеть небольшую перспективу. Да, это сложно, и будет тяжело, но ты по крайней мере на три четверти пути к тому, чего хочешь.

— И еще кое-что: как бы это ни было для тебя, для Бобби все намного сложнее. По крайней мере, ты добивалась этого сближения, в то время как он абсолютно ничего не сделал, чтобы заслужить ту боль, что ты ему принесла. Может быть, наступит такой день, когда ты больше ему ничего не будешь должна, но до него еще далеко.

Я села, впитывая его слова.

— Да. Ты, конечно, прав. — Я сумела улыбнуться и сказать: — Я всегда была стервой, я справлюсь с этим.

Он улыбнулся в ответ.

— Впереди еще будут большие проблемы. Он отойдет от тебя, или исчезнет, или станет капризным, или будет испытывать тебя. Может быть, все сразу. Это примирение, если оно будет, не пройдет гладко, ты готова к этому?

— Да, готова. Приступай, Бобби! — закричала я, и мы с Джоном рассмеялись.

Джон, конечно, был прав. После нашего замечательного вечера Бобби занервничал. В течение следующих шести недель я звонила ему четыре раза, чтобы узнать, когда мы сможем встретиться, и каждый раз он придумывал отговорки, иногда очень надуманные.

Поэтому я вздохнула и попыталась набраться терпения. Я подумала о том, чтобы подкрасться к его офису и как бы нечаянно столкнуться с ним, когда он будет выходить на обед, но решила не делать этого — это не выглядело как открытое и честное поведение.

В пятый раз, когда он попытался увильнуть, я немного подтолкнула.

— Бобби, послушай, в последний раз, когда мы были вместе, мы прекрасно провели время, ведь так? И ничего плохого не случилось. Как насчет того, чтобы просто сходить в кино? Хорошее общественное место, много людей вокруг, ты сможешь позвать на помощь, если потребуется...

Он засмеялся (слава богу!), и согласился. Мы договорились о каком-то боевике, который его интересовал — я же была готова сидеть и четыре часа смотреть, как парень читает «Желтые страницы».

И я была очень хорошей девочкой в кино, очень хорошо себя вела. Я держала его руку и

сжимала ее в пугающие моменты, но не выпячивалась и не дула ему в ухо, не проводила пальцами по его бедрам или что-то в этом роде.

Когда все закончилось, я пригласила его на кофе по возвращении в мою квартиру, напомнив ему, что он никогда ее не видел, и решила перестать быть такой хорошей девочкой. После того как я провела для него краткую экскурсию, и мы выпили кофе, сели вместе на диване и болтали о фильме, я поставила чашку и посмотрел на него.

Затем я соскользнула на пол, пролезла между его ног, раздвинула их и начала расстегивать его молнию, все время наблюдая за его лицом. Я застала его врасплох, но он не пытался меня остановить.

Я спустила с него штаны и боксеры, а затем выдала ему «мать всех минетов» — медленно, очень чувственно, очень покорно. Я все время смотрела ему в глаза, в то время как лизала его член вверх и вниз, затем поглаживала его, пока лизала и сосала его яйца, беря их в рот по одному, затем снова возвращаясь к его члену.

Бобби всегда нравилось, когда я делала ему минет — честно говоря, я никогда не встречала мужчину, которому это не нравилось! И я делала его настолько сексуально, насколько могла. Я медленно заводила его, погружая глубоко в свое горло и отступала, снова и снова, пока он не захрюкал и не стал тянуть меня за голову руками. И, наконец, я энергично хлестала его языком вверх и вниз, пока он не вскрикнул и не наполнил мой рот своей спермой...

Даже тогда я оставалась на нем, наблюдая за его лицом, глотая каждую каплю и держала его во рту, пока он не смягчился, начисто облизав его. Когда я наконец села, то улыбнулась ему, все еще чувствуя себя покорной. Я надеялась передать ему следующее: «Я — твоя, Бобби. Все, чего я хочу, — это доставить тебе удовольствие». Он выглядел истощенным — я знала, что ему понравилось. Усталым голосом он сказал:

— Это было потрясающе, Ари... невероятно.

А затем без предупреждения его лицо напряглось, и он сказал очень жестким голосом:

— Думаю, я могу понять, почему ты была такой успешной шлюхой...

Я была потрясена. Я сказала:

— Нет, Бобби, я...

—... с многолетним опытом, который ты имела, заглатывая член Чарли, и все члены тех корпоративных клиентов, неудивительно, что ты в этом гениальна! Думаю, я должен чувствовать себя благодарным, получая от всего этого опыта пользу, верно?

— Подожди, Бобби, нет, я сделала это для...

Он снова натянул штаны и был уже на полпути к двери.

— Спасибо за минет, Ари... я думаю, я тоже получил его довольно дешево, не так ли? За один билет в кино и немного попкорна!

Он ушел, захлопнув за собой дверь, а я еще сидела на коленях и плакала...

— Я нарушила правило... одно из его правил? Я сделала что-то не так? — Я была уже спокойнее, но все равно расстроена.

Джон сказал:

— Я не знаю, Ари. Я так не думаю. Но похоже, что твой вдохновенный минет вернул все печальные воспоминания о том, чем ты занималась во время брака. Это будет постоянной проблемой — секс был тем способом, которым ты его предала, он понимает, что это не было ни эмоциональным предательством, ни любовной интрижкой, ни чем-то еще. Судя по

прошлым несколькими месяцам, Бобби неплохо справляется с этим, бывая с тобой, тусуясь вместе, веселясь как друзья или на нерегулярных «свиданиях». Но ирония заключается в том, что, когда ты устроила ему особенный половой акт, пытаешься проявить любовь, этот акт поднял перед ним твое «профессиональное» прошлое. Это будет нелегко.

— Я отправила ему открытку, — сказала я, — написав что-то вроде: «Я пыталась сделать что-то особенное, подарить тебе что-то хорошее, что доставило бы тебе приятность, чтобы ты знал, что я чувствую к тебе, и мне очень жаль, что это вызвало неприятные чувства».

Джон кивнул.

— Хорошо. Это не повредит, и он может даже почувствовать себя слегка виноватым.

Может быть, открытка подействовала, потому что Бобби написал мне по электронной почте примерно десять дней спустя. Никаких извинений, просто: «У меня есть билеты на концерт Айрон Пэйнтерс в субботу через неделю — не хочешь пойти со мной?»

Айрон Пэйнтерс была одной из групп, от которых мы оба были без ума, когда встречались. Я была не на шутку взволнована и сразу же написала в ответ, что очень хочу.

Концерт был громким и сумасшедшим, все танцевали в проходах и подпевали, включая нас. Мы даже не пытались поговорить, просто улыбались друг другу, танцевали и кричали. К концу мы были уставшими, вспотевшими и счастливыми.

Когда мы возвращались к его машине, Бобби сказал:

— Как насчет пива или двух? Мне и впрямь необходимо чем-нибудь восполнить потерянную жидкость.

Я ответила:

— Нет ничего лучше для восполнения жидкости, чем пиво. Как насчет моей квартиры, мы всего в паре миль от нее?

Но он выглядел настороженным и сказал:

— Ари, я думаю, что лучше просто пойти в бар.

Так мы и сделали, нашли один из хороших в центре города, который был не слишком шумным, и сели в кабинке вместе. Первая пара пива была выпита примерно за девяносто секунд, как и большая часть второй, прежде чем мы начали разговор.

— Мне извиняюсь за то, что случилось у меня дома в прошлый раз, — сказала я. Я не сожалела... по крайней мере, не сожалела о том, что сделала, но мне было очень жаль реакции Бобби, и я решила, что извинения от меня не повредят.

— Я был с тобой довольно груб, — задумчиво сказал он. — Я этого не планировал, минет был невероятным. Он просто... ну, он заставил меня подумать обо всех парнях, для которых ты делала его за те годы, что я был счастливым дураком, роганосцем.

— Если это вообще поможет, я никогда никому не делала такого минета. Это должно было быть минетом «вот как я люблю тебя и только тебя».

— Я даже вроде как это понял, — сказал он. — Но... Но факт в том, что то, что ты сделала со мной, все еще причиняет мне боль, Ари. И я полагаю, что все, что возвращает мне это в голову, все еще бесит меня.

Я спросила:

— Ты сожалеешь, что пошел со мной сегодня вечером?

Он покачал головой.

— Ни капли. Я прекрасно провел время... и, честно говоря, я не могу представить, с кем бы

еще я мог так весело его провести.

Я улыбнулась ему.

— То, что мы — друзья, это не проблема, — продолжил он, — но это большой прыжок к тому, чтобы снова стать парой, БОЛЬШОЙ прыжок. Я просто не уверен, что доверяю тебе достаточно, чтобы перестать смотреть по сторонам, Ари, — совсем не уверен, что ты — та, с кем я действительно должен закончить жизнь.

— Надеюсь, мы все еще можем встречаться? — Я была в ужасе, но старалась не показывать этого.

— Конечно, если ты хочешь. Мы можем встречаться и тусоваться. Но ты не получишь от меня никаких обещаний, по крайней мере, сейчас. И, вероятно, не скоро, если получишь вообще.

Я сказала:

— Это честно, Бобби. Я могу... — Я внезапно остановилась. Я подумала, что Джон был так прав насчет Бобби, его чувства справедливости, а затем мое сердце охватило холодок, когда я осознала, что никогда не рассказывала Бобби о своей терапии... а ведь на самом деле все было ради него.

— Ари, что случилось? Ты выглядишь так, будто только что услышала, что началась Третья мировая война.

— Бобби, я... дай мне минутку, хорошо? Я пойду, умоюсь.

Я отчаянно думала, когда укрылась в женской комнате. Я ДОЛЖНА была рассказать Бобби о Джоне — я твердо придерживалась принципа полного раскрытия информации — но меня это напугало.

Вернувшись к кабинке, я сказала:

— Мне нужно поговорить с тобой кое о чем, хорошо? Ничего страшного, но это может показаться тебе странным. Но я поклялась себе, что не буду хранить никаких секретов ни о чем., так что... могу я продолжить?

Он выглядел озадаченным и сказал:

— Конечно, Ари, ты же никого не убила, надеюсь?

Я слишком нервничала, чтобы сделать что-то большее, чем машинально улыбнуться.

— После того, как ты застукал меня с Чарли, когда все пошло к черту... я начала посещать терапевта, парня по имени Джон Эриксон.

Я видела, как его лицо расслабилось.

— Это все? Это точно не?..

— Нет, подожди, позволь мне закончить. Ты мог подумать, что я пошла на терапию, чтобы поговорить о себе, чтобы понять, как я могла сделать такую ужасную вещь, но это было не так. Бобби, я пошла к доктору Эриксону, чтобы поговорить о тебе.

— Что?

— Я знала, что хочу, чтобы ты вернулся. Как бы сильно я ни обидела тебя и не разрушила наш брак, я хотела найти способ собрать все это снова воедино. Поэтому я провела с доктором Эриксоном месяцы, рассказывая все о тебе: твоём прошлом, твоей семье, твоей карьере и обо всем, что касалось наших отношений. Я хотела, чтобы он понимал тебя настолько хорошо, насколько можно, чтобы смог посоветовать мне, что делать, чтобы вернуть тебя.

Его лицо напряглось, он сказал:

— То есть, ты... ты рассказала этому доктору обо мне все, все аспекты моей жизни, прошлые и настоящие... все мои личные истории, мои страхи... все, чтобы ты могла манипулировать

мной, чтобы я вернулся к тебе, после того как полностью отрезала мне яйца?

Его голос повысился, когда он продолжил:

— Все правильно, Ари, или я что-то упускаю?

В отчаянии я воскликнула:

— Не манипулировать, нет! Вовсе нет. Я хотела лучше понять тебя, чтобы можно было каким-то образом связаться с тобой — извиниться за ужасный поступок, что я совершила, и сообщить тебе, насколько ты мне все еще небезразличен.

Он выглядел спокойнее — немного. Он чуть подумал, а затем сказал:

— Разве тебе не приходило в голову, что, возможно, именно ТЫ была тем человеком, что нуждался в терапии? Несмотря на напряжение, я громко рассмеялась:

— Должна сказать, что доктор Эриксон неоднократно указывал мне на это. Фактически, после того как он услышал, что я сделала, его слова были: «И вы хотите, чтобы я помог вам вернуть его? Я, вероятно, должен позвонить ему и предложить свои услуги, чтобы помочь ему избавиться от вас!»

Бобби засмеялся, затем сказал:

— Ну, я бы не нанял его, но...

Я взяла его за руку.

— Бобби, я была потеряна, в отчаянии. Мой чудесный брак... который с моей стороны был построен на отвратительной лжи, я признаю, только что распался, и я была вне себя. Я знала, что люблю тебя, и что несмотря ни на что могла бы сделать тебя счастливым. Ты меня знаешь — практичную, решающую проблемы Ари! Так что, я подумала, что если пойму тебя лучше, то буду знать, что делать.

Мы еще немного посидели. Он потягивал пиво, обдумывая. Я просто смотрела на него, нервно скрестив руки на коленях.

— Я должен сказать, Ари, это действительно похоже на тебя. Есть проблема — мягко говоря! — между тобой и твоим мужем, поэтому вместо того чтобы смотреть в зеркало и размышлять о том, что сделала ТЫ, ты решила проанализируй МЕНЯ.

Я повесила голову.

— Виновна по всем пунктам. Но, конечно, через некоторое время моя работа с Джоном стала больше касаться меня. Мы говорили о том, что я сделала, поверь мне... и как я могла это сделать, и почему это было так ужасно, и имело ли смысл даже думать о том, чтобы вернуть тебя после того, что я сделала.

— Джон? — спросил он, внимательно наблюдая за мной. Я сделал глубокий вдох.

— Некоторое время это был «доктор Эриксон», но я виделась с ним пять дней в неделю в течение нескольких месяцев, и было глупо не называть друг друга по имени... Фактически, после того как ты женился на Лоре, и мне пришлось перестать надеяться, что я смогу снова встречаться с тобой, он пригласил меня на свидание, и у нас их было несколько.

Увидев его лицо, я поспешила дальше.

— Из этого ничего не вышло, кроме пары поцелуев на ночь. Он был моим терапевтом, и я никогда не могла думать о нем как о ком-либо еще. И с тех пор как я вернулась в Колумбус, я снова виделась с ним как с терапевтом.

— Так вы с этим парнем все еще регулярно встречаетесь, чтобы спланировать насчет меня? — Слава богу, теперь Бобби казался скорее веселым, чем разгневанным.

— Что-то в этом роде... Но в основном, я получаю его консультации насчет того, как сделать

так, чтобы не испортить все еще сильнее, — сказала я. — Бобби, неудивительно, что я хочу, чтобы ты вернулся. Ты слышал, как я это говорила десятки раз. Джон — мой «Бобби-тренер», я думаю, это звучит безумно и проявляя нездоровый интерес, но это правда. И я обещала тебе несколько недель назад, что ты получишь от меня всю правду... без исключений.

Я почти затаила дыхание до конца вечера, ожидая взрыва, но его не было. Через некоторое время мы снова заговорили о концерте, и, хотя Бобби не вошел внутрь, когда мы добрались до моей квартиры, он разделил со мной несколько действительно горячих поцелуев. Боже, сделай так, чтобы я всегда была в его объятиях!

Так что, я чувствовала себя хорошо. Если в тот вечер все не улучшилось, то, по крайней мере, не стало резко хуже, чего я и боялась.

Время шло. Бобби и «свидания». На самом деле, мы часто виделись — встречались, по крайней мере, раз в неделю, а иногда и чаще, за обедом, или ужином, или фильмом, или на пикнике в хороший день. Мы ходили еще на пару концертов и один раз на шоу.

И за исключением того, что была серьезно возбуждена, я была очень счастлива. У меня был Джон, который продолжал говорить мне: «Наберись терпения — говоря правду, ты стала с ним намного ближе, чем я когда-либо думал». И наше время вместе было очень приятным, потому что мы были гораздо больше, чем просто друзьями. Мы дружили с долгой историей и большим взаимопониманием.

Но он меня не трахал! И не стал лизать меня, и не позволял мне отсасывать ему. Практически все, что я могла получить от Бобби, — это отличные обнимашки в конце вечера, проведенного вместе. А потом он шел домой, а я доставала вибратор. Я подумала, что его рука, должно быть, очень хорошо тренируется, хотя мы никогда об этом не говорили.

Каждый раз, когда я поднимала эту тему: «Эй, Бобби, ты никогда не слышал о «друзьях с привилегиями»? Когда я получу некоторые из этих «привилегий»?» Он улыбался и говорил: «Прости, детка, просто я еще не готов к этому». «Но мы же пробовали это, помнишь?» И это привело к довольно неприятной ссоре.ожидала. На минутку я испугалась, что хороший омлет выскочит обратно. Я думаю, что я... я думаю, это вроде как хорошо. Я имею в виду, что по крайней мере один из нас занимается сексом, было обидно думать, что мы оба обходимся без него. Но почему ты мне сказал? Я имею в виду, если дело было в том, чтобы просто делать это за моей спиной, дабы поквитаться, что заставило тебя сказать мне сегодня? Он пожал плечами.

— Мы заговорили о сексе. Я правда не знаю, просто внезапно показалось глупым держать это в секрете.

Я сказала:

— Думаю, точка поставлена? — Он кивнул.

Я понятия не имела, что теперь будет. Я взяла кофейные чашки и вошла внутрь, чтобы налить каждому по порции, дав себе возможность подумать, сделать пару глубоких вдохов. Когда я вернулась, он смотрел через задний двор, в никуда. Интересно, что у него на уме? Внезапно я решила сменить тему и посмотреть, что произойдет.

— Итак, мы говорили о поездке на велосипеде. Ты не хочешь поехать к водохранилищу?

Его голова повернулась ко мне с удивленным выражением лица.

— Мы закончили с этим разговором?

— Я не знаю... думаю, это зависит от тебя. Мы с тобой встречаемся, но не трахаемся. А с

Рэйчел вы встречаетесь и трахаетесь. Это было секретом от меня, но теперь это не так. С тобой все по-прежнему в порядке, Бобби. Хочешь ли ты трахать ее, а не меня, или нас обеих, или никого из нас, решать тебе.

Я улыбнулась.

— Теперь, если ты спрашиваешь о МОИХ предпочтениях, то уже знаешь их: перестань трахать ее и начни трахать меня. Примерно через пять минут все будет хорошо.

Он громко рассмеялся.

— Не сегодня, Ари. Но прокатиться на велосипеде было бы весело.

Вот так и закончился наш совместный день — больше никаких тяжелых разговоров, никаких признаний, просто приятная длинная поездка вместе на велосипедах по солнышку. Я поехала домой растерянная и неуверенная, но все еще полная надежд.

— Джон, ты всегда прав или тебе просто везет все угадывать?

Он улыбнулся.

— Я полагаю, это означает, что он испытывает тебя, верно? Некоторыми из тех способов, что мы обсуждали?

Я сказала:

— Это преуменьшение. То есть, ты помнишь, две недели назад он сказал мне, что трахал эту женщину в своем доме, и делал это за моей спиной в течение нескольких месяцев? Итак, вот последний. В воскресенье мы зависали в его доме, и он сделал так, что я увидела компьютер, на который Рэйчел прислала несколько фотографий в голом виде, где они были рядом. На самом деле больше, чем рядом. На некоторых из них они голые — на кровати, а на некоторых — трахаются. Думаю, они использовали автоспуск по таймеру. На самом деле она довольно горячая — не выглядит и на один день старше двадцати двух, и у нее действительно большие сиськи.

— Дай угадаю, — сказал Джон, — показывая тебе фотографии, Бобби внимательно наблюдал за тобой, чтобы увидеть, не расстроилась ли ты?

— Снова верно. И у меня вроде как дилемма. Совершенно очевидно, что он тычет мне этим в нос, как сделали они с Лорой со мной много лет назад, и он, должно быть, хочет, чтобы я расклеилась. Но меня это не сильно беспокоит, и я не хочу притворяться, что беспокоит, просто чтобы дать ему то, чего он хочет. Я полна решимости быть с ним честной, всегда.

Он подумал об этом.

— Есть еще одна точка зрения, Ари. Я согласен, что он пытается добраться до тебя. Но думаю, что он, вероятно, также пытается и успокоить себя. Если он увидит, что ты расстроена его трахом с Рэйчел, ему будет легче поверить в то, что ты не станешь больше трахаться на стороне, если вы снова будете вместе. А если же тебе это покажется неважным...

Я кивнула, напряженно думая.

— Я понимаю. И вообще, я думаю, что знаю, как с этим справиться. Спасибо, Джон, это действительно полезно.

— Эй, это я. У тебя сегодня есть время пообедать?

Он ответил:

— Привет, Ари. Да, дай мне около сорока пяти минут, чтобы получить по почте это предложение. Не хочешь встретиться в той «Панере», что напротив парка?

Мы быстро обнялись, заказали обед и сели вместе. Большую часть обеда мы болтали о работе, а затем в конце я сказала:

— Можно, я поговорю с тобой о другом?

Он улыбнулся и ответил:

— Конечно... я сразу понял, что у тебя есть что-то на уме.

— Я думала о тебе и Рэйчел, — сказала я, — и о том, что там происходит. Совершенно очевидно, что частично это ты проверяешь меня: давая мне дозу моего собственного лекарства, трахая кого-то еще за моей спиной, хотя, как мы и договорились, это не то же самое, потому что мы больше не женаты.

Он кивнул, глядя на меня.

— Бобби, я предполагаю, что по крайней мере часть тебя надеялась, что я буду сходить с ума, буду плакать, рыдать и вести себя как расклеенная. Я полагаю, это то, для чего были предназначены обнаженные фотографии, я права?

— Да, я так думаю. — Теперь он выглядел немного смущенным.

— Вот что меня беспокоит: ты можешь подумать, что поскольку я не сильно расстроилась, я все еще думаю, что случайный секс не имеет большого значения — это означает, что я могла бы пойти и сделать это снова за ТВОЕЙ спиной, либо сейчас, либо если мы снова будем вместе в будущем.

Я взяла на минуту его за руку.

— Итак, вот что я хочу сказать, хорошо? Во-первых, я полагаю, я и впрямь считаю, что случайный секс не имеет большого значения, ДО ТЕХ ПОР, пока никого не предадут или не обижают. То, что я сделала с тобой, было огромным делом, оно было отвратительным. Не потому, что секс был для меня эмоционально важен, а потому, что ты верил в мою верность, а я все время тебе лгала.

— То, что делаете вы с Рэйчел, отличается от этого. Да, ты сделал это за моей спиной, потому что хотел преподать мне урок, но ты уже говорил мне, что можешь встречаться с другими женщинами. Сейчас единственные обязательства между нами — мои: я сказала, что не буду заниматься сексом ни с кем другим. И не буду — пока ты снова не женишься или не скажешь мне, чтобы я отвалила и ушла из твоей жизни навсегда.

— Я НИКОГДА не изменю тебе и не предам тебя опять. Я сделала это в полной мере, и знаю из первых рук, какую глубокую боль причинила тебе и разрушила свою счастливую жизнь. Просто то, что я не рву волосы из-за тебя с Рэйчел, вовсе не означает, что я считаю, что в измене нет ничего страшного.

— Конечно, я хочу, чтобы ты перестал с ней встречаться — я хочу, чтобы ты был со мной. Но ты мне ничего не должен, Бобби — ты можешь делать, что хочешь, а прямо сейчас тебе кажется, что ты хочешь трахать Рэйчел. Я понимаю это, поэтому не делаю из всего большого скандала.

Он покачал головой.

— Это только я такой, или вода здесь как бы глубже?

Мы оба засмеялись, и он сказал:

— Ты, наверное, права, Ари, по крайней мере, относительно некоторых из аспектов. Я был полон решимости передать тебе вкус твоего собственного лекарства, и я, похоже, надеялся, что увижу, как ты разрыдаешься передо мной. Но главное... — он остановился и покачал головой, — главное, что я все еще осторожен. Я хочу тебя, и я... мне просто нужно быть

осторожным, чтобы защитить себя.

— Я понимаю, — сказала я. — Поверь мне, Бобби, я все понимаю — и благодарна тебе уже за то, что ты был готов поговорить со мной об этом. Это больше, чем я заслуживаю. — Вот теперь я плакала, слезы текли по моему лицу, в то время как я пыталась улыбнуться, и он улыбнулся мне и держал меня за руку, пока я просто сидела и рыдала, счастливая, надеющаяся и испуганная одновременно.

Фелиция говорила:

—... так что, конечно, я сказала ему отвалить, и что никому не позволю обращаться со мной таким образом, а он сказал...

Я отключилась на минуту, хотя это было не совсем справедливо по отношению к моей лучшей подруге. Она была так терпелива со мной на протяжении многих лет, выслушивая мои бесконечные истории о последних событиях в моих отношениях с Бобби — она определенно заслуживала моего внимания, когда жаловалась на Кирка. Я попыталась сосредоточиться.

—... и я сказала: «Нет, черт возьми, уже слишком поздно, мы закончили!» И тут он начал плакать...

— Серьезно, Лиш? Вау, этого я не ожидала. — Я снова включила свое внимание. Фелиция на самом деле любила этого парня, периодически появляющегося в ее жизни, но он был великовозрастным подростком, когда дело касалось обязательств.

Она ухмыльнулась.

— Да, он заплакал! И он взял меня за руки и сказал, что ему очень жаль, он знает, что был засранцем, но он и правда любит меня и не хочет меня терять. Так что, в субботу мы собираемся начать искать квартиру для двоих!

— Вау! О, Лиш, это — фантастика! — Лично у меня были сомнения относительно того, достигнут ли они с Кирком успеха, но я держала их при себе.

«С другой стороны», — подумала я, — «разве это будет менее вероятным, чем то, что мы с Бобби снова будем вместе? Тем не менее, похоже, что это могло произойти».

Всего через две недели после нашего обеда в «Панере» он пригласил меня на выходные на озерный курорт в Мичигане. Я согласилась? А как вы думали?

Я понятия не имела, чего ожидать, хотя и надеялась на романтику и секс. На самом деле, и на то, и на другое. Мы тихо поужинали в красивом шале, а затем, пока не село солнце, гуляли рука об руку вокруг озера, ни о чем особо не разговаривая. Я была полностью в раю.

А потом Бобби отвел меня обратно в нашу хижину, прямо в спальню, и начал раздевать. Я начала говорить, а он, улыбаясь, сказал: «чшшш» и приложил палец к моим губам. И поцеловал меня, погладил, снял с меня всю одежду и уложил на кровать, а затем встал прямо передо мной, снял свою одежду и лег со мной.

Я была уже мокрой, и мои соски были твердыми, как камни. Не говоря ни слова, он начал энергично целовать меня, а потом сосал мои сиськи, а я стонала и держала его за голову; а затем он соскользнул вниз и полизал киску, пока мне не пришлось натянуть на голову подушку, чтобы никто не услышал, как я кричу...

Я кончала три раза, после чего лежала так, словно только что пробежала марафон. Бобби перевернул меня лицом вниз, подложив под меня пару подушек, раздвинул мои бедра и засунул свой член в мою мокрую пизду. И он трахал меня до чертиков в глазах.

Клянусь, это было похоже на то, что у мужчины не было пизды уже год. Он был словно машина. Иногда он держал меня за бедра и натягивал на себя, иногда наклонялся вперед и терся грудью о мою спину, в то время как сам толкался в меня, иногда он обнимал мою грудь и крутил соски. Все это было волшебным, все по-настоящему интенсивно. Он трахал меня и трахал, а затем кончил как сумасшедший, стонал и дико толкался, после чего рухнул на меня сверху...

Я была так измотана, что не помню, поцеловал ли он меня на ночь или даже скатился ли с меня. Но когда на следующее утро я услышала щебетание птиц на восходе солнца, я лежала под одеялом на боку, а мой мужчина спал, тихо дыша, лежа позади меня, его рука обнимала меня и лежала у меня на животе.

И я молилась, если вы можете в это верить. Я молча говорила: «Благодарю Тебя, Боже, это все, чего я когда-либо хотела, и если я смогу продолжать получать это, то буду благодарить Тебя каждый день своей жизни».

Через пару часов мы вместе быстро приняли душ, много улыбались, по-прежнему ничего не говоря — я следовала примеру Бобби — и мы пошли и плотно позавтракали, а через сорок минут снова вернулись в постель. На этот раз уже я домогалась его, положила его на спину и массировала его, его грудь и руки, а затем его ноги, а потом я сосала его член, пока он не наполнил меня почти до макушки. Я старалась действовать быстро и интенсивно, а не как тогда, медленно, очень любвеобильно, что однажды разозлило его... и, похоже, ему это понравилось!

Остальные выходные мы вели себя как молодожены. Мы лениво покатались на каноэ, сели в постели с пакетом картофельных чипсов и смотрели какую-то мелодраму, мы дремали и занимались сексом. Боже, у нас был секс! Бобби трахал меня боком на кровати, он прижимал меня к стене, снова и снова натягивая на свой член, мы сделали это один раз над кухонным столом (моя идея: я наклонилась над ним в одной короткой ночнушке и пошевелила своей задницей перед ним)... ну, вы поняли.

К вечеру воскресенья мы оба были измотаны, и у меня все очень болело, но, черт возьми, я была счастлива! На обратном пути в Колумбус я немного подремала, но также мы поговорили. Он сказал, что перестал встречаться с Рэйчел.

— После того времени как я... ну, показал тебе фотографии, я понял, насколько это глупо... на самом деле бессмысленно. Ты была прав, Ари, — это было гораздо больше похоже на то, чтобы ткнуть тебе в лицо, чем на самом деле получать удовольствие от общения с Рэйчел.

— Знаешь, — сказал он с задумчивым взглядом, — когда не трахаешься, то много думаешь об этом, хочешь этого и нуждаешься в этом, и это кажется очень важным. Уж по крайней мере, для мужчины. И когда я впервые встретился с Рэйчел, это было здорово. Действительно горячий секс — ты видела ее тело, она очень привлекательна. Но также появляется чувство: «У меня все еще это есть, я — успешный мужчина, просто посмотри, кого я трахаю!» Но потом это начинает стираться или становится гораздо менее важным, если с ним ничего не связано. А между Рэйчел и мной этого просто не было.

Я послушала, кивнула и сказала, что понимаю. Что было правдой, в значительной степени. Удар, который я нанесла по эго Бобби, был самым разрушительным, с чем мог столкнуться какой-либо мужчина, поэтому меня несколько не удивило, что он продолжал искать, чтобы доказать себе, что он привлекателен. Женился ли он на Лоре или встречался с Рэйчел, или с любой другой женщиной, с которой он трахался, с тех пор как наш брак распался.

Я отчаянно хотела спросить: «Так где же мы сейчас?» но не сделала этого. Мы вернулись домой, и он высадил меня, отнес мою сумку к двери, нежно поцеловал и сказал:

— Я позвоню тебе, — и этого для меня было более чем достаточно.

— И что с тех пор? — спросил Джон.

— Пока все хорошо. На самом деле даже еще лучше. Мы видимся два-три раза в неделю, вместе спим в его или моем доме, и занимаемся любовью... И так здорово, Джон, любяще и возбуждающе, а также...

— Хорошо, — сказал он. — Но тебя что-то беспокоит, Ари, в чем дело? Кажется, все просто потрясающе.

Я кивнула.

— Ты прав... и на этот раз это — работа. Ральф пообещал, что не будет никаких поездок, когда нанимал меня, но после реорганизации они хотят, чтобы я взяла на себя часть обязанностей Адама — это парень, которого уволили, он сильно накосячил. Так что, это будет означать поездки с ночевкой, обычно на одну или две ночи, но целых пятнадцать-двадцать раз в год. И боюсь, что Бобби сойдет с ума, потому что как раз будучи в командировках с Чарли, я трахалась с другими парнями.

Джон сказал:

— Итак — что ты думаешь с этим делать?

— Я вижу только два варианта: поговорить об этом с Бобби или уволиться с работы. И хоть мне нравится моя работа, но, разумеется, она не впереди него.

Мы обсуждали это какое-то время, а затем Джон сделал прекрасное замечание, что я могу начать с разговора с Бобби. Если мои командировки будут проблемой, я всегда могу уйти. И, к счастью, у меня все еще оставалась большая часть моего «фонда на черный день», с тех пор как я работала с Чарли, так что, я могла не торопиться и найти другую работу.

Бобби сказал:

— Так езжай — почему это должно быть проблемой?

Я пристально посмотрела на него. Мы были на моей кухне, он сидел за столом с пивом, а я заканчивала делать салат.

— Потому, детка, что ты знаешь, и я знаю, что когда я путешествовала для Чарли, я иногда была шлюхой для компании. Я не хочу делать ничего — НИЧЕГО — что могло бы поставить под угрозу то, насколько хорошо мы живем сейчас.

С кривой улыбкой он сказал:

— Ари, ты же не думаешь, что я тебе не доверяю?

Я бросила в него кухонное полотенце и высунула язык.

— Конечно, ты мне не доверяешь, а я просто не хочу делать ничего, что бы сделало все еще хуже.

Став более серьезной, я сказала:

— Я полагаю, все, что я могу сделать, — это каждую минуту, каждый день и каждый месяц показывать тебе, что ты МОЖЕШЬ снова мне доверять. И, возможно, через некоторое время ты начнешь в это верить. А пока — как ты относишься к этим поездкам с ночевкой? Мне не обязательно их брать. Мне даже не обязательно оставаться на этой работе, и ты это знаешь.

— Ари, когда мы были женаты, разве ты не трахалась с Чарли, даже когда была в городе?

Даже когда ты проснулась в нашей постели тем утром и собиралась вернуться в нее тем же вечером?

— Да, детка. Мне стыдно за это, и жаль, но да.

— Тогда какая, черт возьми, разница? Здесь, в Колумбусе, или в Чикаго, или в Сент-Луисе с ночевкой... если ты захочешь трахнуть кого-то еще, ты это сделаешь. Я либо должен верить, что ты НЕ собираешься этого делать, или перестань с тобой видеться.

Я очень осторожно спросила:

— И что из этого будет?

— Я ведь здесь, не так ли? — И он подошел и нежно обнял меня сзади, обхватив мою грудь руками. Менее чем через минуту мы целовались и терлись друг о друга, а через две минуты были в моей спальне, а через две минуты после этого я лежала на спине с поднятыми вверх ногами, а его член входил и выходил из меня, и я стонала, вскрикивая: «Да, да, Бобби... о, Боже... да, ну сделай это, Бобби...»